

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Кайгородов

ЭВЕНКИ В ТРЕХРЕЧЬЕ

(ПО ЛИЧНЫМ НАБЛЮДЕНИЯМ) *

В китайских справочниках 1962 г.¹ общая численность эвенков в Китае определяется в 7200 человек. По данным всекитайской переписи 1953 г., число их в стране составляет 5000 человек. Подавляющее большинство этих эвенков проживает в пределах автономного района Внутренняя Монголия и в Хэйлунцзянской провинции.

В задачу данного очерка входит описание самой малочисленной группы оленних эвенков, которые до недавнего времени кочевали в пределах бассейнов рек Быстрой, Апы, Маректы и Трехречья. В Трехречье я прожил много лет. Там я имел возможность наблюдать жизнь и быт эвенков, неоднократно бывал в их стойбищах, охотился вместе с ними. Позднее, находясь в Харбине, я не потерял связь с эвенками и приобрел для Нучного краеведческого музея Хэйлунцзянской провинции в Харбине ряд экспонатов, характеризующих хозяйство и материальную культуру трехреченских эвенков.

По сведениям китайских источников², эвенки описываемой группы в XVII—XVIII вв. кочевали в таежных лесах верхней Лены, где их в то время было 12 родов, насчитывавших в общей сложности 700 человек. В 1840-х годах часть эвенков этой группы ушла в леса Амазара — левого притока Амура и, постепенно двигаясь вверх по Амуру и Аргуни, достигла мест нынешнего своего расселения³. Вначале на правый берег Аргуни пришли 4 рода: Бульдотовы, Калтакуровы, Сологоновы и Келиковы. Нечто позднее пришел род Кудриных и Золотовских⁴. Тот же китайский источник приводит следующие статистические данные относительно эвенков этой группы: в 1899 г. их было 87 семей (435 человек), в 1913 г. — 83 семьи (число человек не указано), в 1917 г. — 63 семьи (315 человек)⁵. Китайский источник, ссылаясь на японские статистические сведения, сообщает, что к 1939 г. число семей сократилось до 46 (253 человека). В 1945 г. эвенков было 34 семьи (170 человек), в 1957 г. — 136 человек, на сентябрь 1960 г. — 146 человек.

Русские старожилы Усть-Урова и Трехречья, великолепно знавшие описываемых эвенков⁶, свидетельствуют, что вплоть до 1914 г., пока в лесах Быстрой, Маректы и

* Автор этой статьи А. М. Кайгородов родился в Трехречье и прожил там более 20 лет. В 1948—1954 гг. находился в Харбине. Летом 1954 г. репатрировался в СССР. В настоящее время — главный библиограф Отдела литературы стран Азии и Африки Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы в Москве. А. М. Кайгородов не этнограф, но его статья, основанная на многолетних личных наблюдениях, может представить интерес для читателей нашего журнала. — *Ред.*

¹ Иероглифический словарь «Синьхуа». Приложение: Краткие сведения о нац. меньшинствах Китая, Пекин, 1962 (на кит. яз.).

² Цю Пу, «Первобытнообщинный строй у эвенков», Пекин, 1962 (на кит. яз.), стр. 6.

³ По свидетельству русских старожилов Усть-Урова и Трехречья, эвенки появились на правом берегу Аргуни не раньше 1890 г.

⁴ Родами автор, по-видимому, называет патронимии или локальные части родов, переселившиеся в Трехречье. — *Ред.*

⁵ Есть веские основания полагать, что многие сведения, приводимые в упомянутом выше китайском источнике, не вполне точны, так как они получены не из документов, а большинство их приводится со слов старых эвенков.

⁶ В первую очередь я имею в виду Д. Л. Молокова и П. Д. Кайгородова, сообщивших мне в процессе работы над статьей много ценных сведений. Пользуясь случаем, хочу выразить им сердечную благодарность.

Трехречья не был окончательно истреблен соболь, число эвенков в этих лесах каждый год было неодинаково, в зависимости от «урожая» пушного зверя. По их свидетельству, больше всего эвенков в пределах их расселения того времени наблюдалось в 1904, 1908 и 1913 гг. Есть основания полагать, что в богатые пушным зверем годы сюда приходили эвенки из других мест, в частности с Амазара. В 1914 г. среди эвенков Быстрой свирепствовала эпидемия оспы. Многие семьи вымерли полностью. Очевидец в качестве примера называл мне семью Екимы Васильевича Сологонова, в которой из 17 человек осталось в живых только двое — отец с младшей дочерью. Русские старожилы тех мест уверяют, что в 1939 г. эвенков было значительно больше, чем в 1917 г.

История эвенков вплоть до недавнего времени была неразрывно связана с русскими. Появившись в конце XIX в. на правом берегу Аргуни, точнее в пределах ее правых притоков — Быстрой, Маректы, Апы, эвенки не могли обходиться без торговых связей. Но так как правый берег Аргуни в то время был безлюден, то роль торгового центра для кочевников стал играть русский поселок Усть-Уров, расположенный на левом берегу Аргуни при впадении в нее Урова. С 1903 г. на правом берегу Аргуни (как раз напротив русского Усть-Урова) стала расти китайская дер. Цигань (русски эту деревню всегда называли Китайским Усть-Уровом), населенная в первые годы исключительно торговцами, которые вели контрабандную торговлю с жителями левобережных русских деревень, собирателями опиума, золотонкаателями, конокрадами и др. Так на Аргуни появился еще один пункт, где эвенки могли вести меновую торговлю. Примерно в 1915 г. на Маректе появилась китайская дер. Юдэнкэцунь, расположенная в непосредственной близости от охотничьих угодий эвенков. В годы революции и гражданской войны в Забайкалье население Цигани сильно возросло за счет русских переселенцев с левого берега Аргуни. Большинство жителей русского Усть-Урова переселилось в китайский (Цигань), и китайцы здесь стали составлять незначительное меньшинство. По свидетельству китайского источника, в 1920 г. в Цигани вели меновую торговлю с эвенками 20 русских и китайских семей, в Юдэнкэцунь — 2 китайские семьи.

С 1928 г. большая часть эвенков стала вести меновую торговлю с жителями русской дер. Дубовая в Трехречье.

Трехречье — область трех рек: Гана, Дербула и Хаула — находится в северо-западной части автономного района Внутренняя Монголия, в пределах ее Хулунбуирского нагорья и, по данным известного исследователя Барги В. А. Кормазова⁷, занимает площадь в 11500 км². Забайкальские казаки, главным образом приаргунских станиц, посещали эти места издавна. Летом они приезжали сюда косить сено, а зимой по займам жили вместе со скотом; в лесах Трехречья охотились на изюбрей и на пушного зверя. В конце XIX — начале XX в. в Трехречье появляются первые русские хутора и поселки, а с 1917 г. Трехречье становится местом массового расселения русских. Здесь быстро вырастает целый ряд русских деревень: Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Караганы, Попирай, Щучья, Покровка, Усть-Урга, Верх-Урга, Усть-Кули, Верх-Кули, Лабларин, Баржакон, Драгоценка, Лапцагор, Челотуй и другие. Драгоценка благодаря своему центральному положению становится центром района. В 1945 г. в Трехречье проживало около 11 тысяч русских; китайцы появились здесь значительно позже и вплоть до 1955 г. — года массового выезда русских из Трехречья — составляли незначительное меньшинство.

Деревня Дубовая — самый верхний поселок по Дербулу — расположена в красивой местности на высоком левом берегу реки, в 6 км ниже слияния Дербула с его главным притоком Дербуканом. Здесь проходит граница тайги, ниже начинается лесостепь и степь. Сюда к 1927 г. переселилось большинство русских семей из Цигани, а в 1928 г. к Дубовой впервые вышли эвенки.

Наблюдается своеобразная преемственность в торговых связях. Первые торговые контакты с эвенками были установлены еще в конце XIX в., когда эвенки только что появились на Аргуни. Те же торговые партнеры продолжали меновую торговлю позднее в Цигани, теперь пунктом меновой торговли становится Дубовая.

Те эвенки, которые продолжали поддерживать торговые отношения с жителями Цигани, стали называться «циганьчен», а те, что с Дубовой — «гуначен». Кроме жителей Дубовой, в Трехречье меновую торговлю с эвенками вели некоторые семьи из дер. Ключевая, расположенной в 7 км ниже Дубовой по течению Дербула.

Русские и эвенки, связанные торговыми отношениями, называли друг друга «андак» (друг, приятель, товарищ), а вместо слов «торговать», «меняться товарами» употребляли слово «андачить». Здесь я вынужден сделать небольшое отступление и рассказать о сути меновой торговли между русскими и эвенками, структура которой не менялась с самого начала ее возникновения в конце прошлого века вплоть до 1948 г.

Прежде всего неверно полагать, что эвенки вели меновую торговлю только с русскими купцами. «Андачили» с эвенками в подавляющем большинстве простые крестьяне, профессиональных купцов были единицы. Практически торговые связи с эвенками

⁷ В. А. Кормазов. Трехречье, «Вестник Маньчжурии», Харбин, 1929, № 5, стр. 38—48.

мог иметь каждый, кто этого хотел и кто располагал достаточной имущественной базой, чтобы обеспечить охотников в положенное время мукой, тканями, охотничьими припасами и прочими необходимыми товарами. Никаких официальных письменных договоров или соглашений андаки не заключали, однако существовал своеобразный торговый этикет, своего рода неписанный закон, по которому эвенк должен был сдавать всю пушнину и остальные товары только в одни руки, а именно своему русскому торговому партнеру. Эвенки добросовестно соблюдали этот этикет, и тот, кто его нарушал, не пользовался почетом не только у русских, но и у своих соплеменников. Таким образом, на практике получалось, что эвенк, ведший меновую торговлю с русским, попадал в сильную от него зависимость.

В меновой торговле формально существовал эквивалентный расчет, но обычно у охотника забиралось все, что он мог дать, и предоставлялось то, что ему требовалось. Безусловно, чаще с барышами оставался русский. Но нередко случалось и обратное. Став фактическим хозяином охотника, русский, согласно тому же неписаному закону, был обязан его кормить и снабжать различными товарами даже в том случае, если охотник ничего не приносил или приносил очень мало. А такое в годы, бедные пушным зверем, случалось нередко. Вот почему меновая торговля с эвенками считалась до некоторой степени рискованной, и не так уж много было любителей этого дела. Нет ничего удивительного и в том, что эвенки предпочитали вести меновую торговлю именно с русскими, а не с китайцами (процент китайцев в меновой торговле с эвенками был незначителен). Русские «андаки», имевшие прочные связи с определенными семьями, продолжали снабжать их мукой и товарами в любом случае, тогда как китайские торговцы в несчастливые для охоты годы прекращали с ними всякие связи.

Встречи между андаками происходили по несколько раз в году, обычно 4—5 раз, и назывались «богжор». Первый богжор устраивался в конце мая — начале июня и назывался весенним. Он происходил обычно в устье Дербукана в небольшом основом бору в 6 км от Дубовой. Товары эвенка на этом богжоре были следующие: панты, бучукан (шкура сохатого, очищенная от шерсти и жира, но окончательно на замшу не выработанная), медвежьи шкуры, изделия из бересты (хлебницы, табакерки, туески, спичечницы), деревянные чашки, ложки, охотничьи ножи. В обмен эвенк получал муку, ткани, нитки разных цветов, чай, соль, спирт, некоторые виды одежды, охотничьи припасы. Эвенки оставались на одном месте дня три. Вначале они принимали русских андаков у себя. Выдавали и принимали товар, угощали мясом. Потом они ехали в деревню гостить к русским андакам, что, кстати сказать, они очень любили.

Второй, осенний богжор проходил в начале сентября. Эвенки, как и весной, выходили к Дубовой, останавливаясь в устье Дербукана или по Дербулу в местечке, известном под названием Крутая Редка (тоже в 6 км от деревни). Ассортимент товаров эвенка на осеннем богжоре был значительно шире. Эвенки приносили изделия из замши, столь ценные в тех местах: дашки (тип двухоборотного просторного пиджака из замши), арамузы (ноговицы, надеваются на ноги, сверху ремешками привязываются к поясному ремню, внизу соединяются с короткими мокасинами обычно из замши или камоса — шкуры с ног сохатого и изюбря), рукавицы, перчатки, каламаны (род коврика из шкурок козули, оленя, сохатого, изюбря, снятых с лобовой части черепа и отороченных кусочками разного меха), унты из камоса изюбря и сохатого, бучукан, изделия из бересты и дерева, кукуру (вяленое сохатинное или изюбриное мясо) и др. В обмен получали те же товары, что и весной, а также одеяла и сало или масло. Опять гостили в деревне, посменно оставаясь с оленями. Эвенки-мужчины хотели доставить удовольствие только себе, оставляя женщин на все время стоянки у деревни с оленями. Однако русские андаки заставляли их чередоваться с женщинами по уходу за оленями и присмотру за имуществом. Как мужчины, так и женщины очень любили спиртное.

Третий богжор, зимний, устраивался в декабре и происходил далеко в лесу, куда русские обязаны были в обусловленное время доставить необходимые для охотников товары. Богжор обычно проходил в верховьях Дербула в местечке, известном под названием Чертова яма (река здесь под прямым углом ударяет в гору, образуя необыкновенно глубокий водоворот). На этот богжор эвенк приносил свой основной товар — пушнину. Преимущественно это была белка, немного колонков и редко выдра и рысь. От русских получали все тот же неизменный ассортимент товаров, разве только больше привозили масла и спирта.

Четвертый, последний в хозяйственном году богжор проходил в марте и назывался мартовским. Он тоже устраивался далеко в лесу, как и зимний. Ассортимент товаров андаков был тот же, что и на предыдущем. Правда, к этому богжору эвенк приносил иногда выпоротки. Старожилы Трехречья мне рассказывали, что на зимний и мартовский богжоры эвенки раньше поставляли много брусники и стланцевого ореха. Такие случаи были еще и на моей памяти, однако в последние годы ни брусники, ни стланцевого ореха эвенки не приносили.

Пятый, внеочередной богжор случался летом и только в том случае, если эвенку удавалось добыть хорошие панты.

С появлением поселка Дубовая и переездом сюда русских торговых партнеров из дер. Цигань для эвенков появилось много дополнительных преимуществ. Прежде всего, Дубовая располагалась значительно ближе, чем Усть-Уров или Цигань, к основным

местам охоты эвенков — вершине Быстрой, Кырэну, Верхней и Нижней Улугиче, Джину, вершинам Кумары, Панги, Албазихи. Во-вторых, мука в Трехречье и все остальные товары были значительно дешевле, чем в Цигане, так как Трехречье было крупным производителем пшеницы, и подвозка товаров сюда была тоже значительно дешевле, чем в Цигань, а пушнина благодаря сравнительной близости таких торговых центров, как Хайлар и Харбин, стоила в Трехречье значительно дороже. По мере переезда русских андаков в Трехречье, в Цигань выходило все меньше и меньше семей, и к 1947 г. их оставалось одна или две семьи. По неясным мне причинам между эвенками «циганьчен» и «гуначен» существовала вражда, следствием которой был ряд жестоких убийств. Те и другие боялись кочевать вместе. Так продолжалось до 1948 г., пока все эвенки не перешли в ведение китайских властей и не были прикреплены к одному району — району Цигань.

Единственным товарным занятием эвенков Трехречья была охота. Рыболовство не имело товарного значения и носило чисто потребительский характер. Опыт следопытов передавался из поколения в поколение, и все эвенки, будь то мужчины или женщины, были прекрасными охотниками. Автор этих строк неоднократно поражался не только умению эвенков читать следы (порой прямо-таки невидимые), но и особому чутью охотника, который по каким-то, только ему известным признакам, умел определить наличие зверя в том или ином месте.

Первым навыкам в охоте эвенки начинают учить детей с шести-, семилетнего возраста, а в 12—13 лет мальчики уже успешно белкуют. С детства мальчиков учат и немудреным ремеслам: вырезанию деревянных чашек и ложек ножом, изготовлению всевозможных изделий из бересты, кузнечному мастерству. Девочек с детства приучают к шитью, выделке кож, вышивке цветными нитками по замше.

У эвенков Трехречья существовало строгое разделение труда. Обязанностью мужчин была охота, ловля рыбы, кузнечное дело, постройка оморочки, заготовка дров. Все остальные работы по хозяйству ложились на плечи женщин, которые бывали всегда очень заняты. Женщина строила чум, ухаживала за оленями, готовила пищу, выделывала шкуры, шила обувь и одежду, присматривала за детьми, летом раскладывала дымокур. На стоянках женщина следила за сохранностью продуктов и всего домашнего скарба, а во время перекочевков укладывала вещи, выючила оленей. Даже перевозка мяса на стойбище, когда охотник убивал крупного зверя, входила в обязанность женщины. Мужчины бывали очень заняты только во время сезона охоты на пушного зверя. Никаких ограничений в охоте для эвенков не существовало, охотились они в течение всего года.

Весной ценным объектом охоты был изюбрь. На изюбря охотились, чтобы получить панты и хвост, которые всегда ценились очень высоко. Добыв хорошие панты, охотник, даже в условиях недобросовестной оценки этого товара скупщиком, мог обеспечить свою семью мукой на целое лето. Изюбря сторожили около открытых мест (солнцепеков), куда утром и вечером зверь выходит кормиться подснежниками и молодой травкой. Убивали зверя и при случайных встречах. Кроме изюбрей весной по солнцепекам убивали много коз.

Летом охотились в основном на сохатого. Изредка убивали изюбрей и косую. Охота на сохатого была удачной именно в самую жаркую пору лета. На лето приходилось наибольшее количество убитых зверей. Преследуемый тучами овлада сохатый днем выходит к реке, где несколько прохладнее и всегда дует ветерок. Охотник бесшумно плывет на оморочке по реке или протоке (он прекрасно знает, где должен быть зверь), незаметно подплывает и убивает сохатого. Ночью сохатый, спасаясь от комаров и мошкары, выходит к лесным озерам, где купается и кормится донной растительностью. Здесь-то и подкарауливает его охотник, спрятавшись поблизости с подветренной стороны. Я много раз принимал участие в такой охоте. В удачную ночь убивали по два-три зверя. Свежевали на берегу, мясо увозили, а внутренности сжигали на месте. Считалось, что тот, кто не предавал остатки зверя огню, надолго портил озеро как место охоты; он не пользовался уважением охотников.

Летом эвенки охотятся на изюбрей по «солонцам» — небольшим участкам в лесу, специально посоленным для приманки зверя. На «солонцах» сторожат изюбря ночью. Мне говорили, что этот вид охоты на изюбрей эвенки переняли у русских охотников.

Рыбу ловят сетями или колют острогой. Сети, как правило, самодельные. Острогой колют с оморочки или прямо с берега. Быстрая и ее притоки очень богаты всевозможной рыбой, так что при желании эвенк мог иметь рыбы сколько угодно. Однако рыба в пищевом рационе эвенков Трехречья никогда не пользовалась большой популярностью.

Лето — основной сезон для выделки замши, шкур, пошива одежды и обуви, всевозможных кустарных занятий. Если зимой эвенки колют отдельными семьями, оставаясь на одном месте всего на 2—3 дня, то летом стоят стойбищами по несколько семей, обязательно у реки, стоянка продолжается по 10—15 и даже 20 дней. А один раз за лето все эвенки Трехречья обязательно съезжались в одно место (обычно на Бы-

строй). Здесь ежегодно выбирался старший (чаще один и тот же), делились охотничьи угодья на предстоящее белковое, шло сватовство, решались спорные вопросы. Такой съезд в обязательном порядке сопровождался камланием шамана.

В сентябре эвенки охотились на изюбря. Осенняя охота на изюбря была удачнее весенней, однако качество пантов было намного ниже весенних. Осенью охотились на «рев», так называлась охота во время гона изюбрей, когда тайга оглашалась призывным зовом самцов и между ними происходили жестокие бои. Охотник, подражая реву зверя посредством рога (обычно деревянного, собственной работы), подманивал изюбря на расстояние выстрела. Охотничий рог (русские охотники называли его «трубой») был двух видов: «горлянка» и «сосок». У «горлянки» раструб, прикладываемый ко рту, был круглый и достаточно широкий, у «соска» — плоский и маленький, похожий на конец мундштука.

В середине октября начинался главный охотничий сезон эвенков — охота на пушного зверя. Пушнина была основным товаром эвенка в его меновой торговле, от пушнины во многом зависело благополучие семьи, поэтому охоте на пушного зверя эвенки придавали первостепенное значение. Как я уже сказал выше, эвенки еще летом делили места зимней охоты и после осеннего богжора кочевали каждый ближе к своему участку. Участок белкового для той или иной семьи определялся обычно целой долиной какой-нибудь реки вместе с ее притоками (места хватало!). Насколько помню, Сологоновы белковали по Верхней и Нижней Улугиче, Кырэну, Ольга Дмитриевна Кудрина — шаманка — по вершине Быстрой, Федор Бульдотов — по Джину. Заходили белковать эвенки и в верховье Кумары, однако боялись встречи с манерами (народность эвенкийской группы), которых считали ворами и разбойниками. Слово «манер» и среди русских почему-то было нарицательным для конокрадов и хулиганов.

Белковые начиналось с первого снега или первой пороши и продолжалось до первых чисел марта, когда белка начинала линять. Во время белкова семья эвенка находится в постоянном движении, задерживаясь на одном месте на два-три дня, а то и на один день (в зависимости от количества белки). Как только окрестные места обелкованы, эвенки снимаются и переходят дальше. Кочуют с оленями не руслом реки — местом, наиболее доступным для передвижения вьючного каравана, а хребтом, переваливаясь из вершины одного ложка в другой. Такой путь обусловлен желанием быть постоянно вблизи непосредственных мест охоты, так как белка преимущественно держится по верховьям рек и ручьев. Во время кочевья глава семьи идет впереди каравана, время от времени прорубая большим ножом («пальмой») дорогу в чаще.

Почти на каждой новой остановке имеются остовы старых чумов, нередко по несколько штук. Однако суверенные охотники их не используют, а каждый раз строят новые, ни за что не станут они разводить огонь и на старом пепелище.

Чум строится конической формы из тонких жердей с очень широким входным отверстием, в непосредственной близости от которого разводится большой костер. В самом чуме огонь никогда не разжигается. Чум эвенка — довольно примитивное сооружение, которое зимой служит укрытием от снега, а летом — от дождя. Летом чум кроется тонким брезентом или вываренной берестой, зимой — от основания до середины шкурами, а выше — вываренной берестой. Тем не менее зимой в чуме бывает тепло, так как огонь раскладывается на близком расстоянии, а за ним делается стенка из сырых бревен (завалень), которая отражает тепло и направляет его в сторону чума. Спят разувшись, ногами в сторону огня. Укрывают только верхнюю часть тела и голову. Постель довольно примитивная: снизу оленья или медвежья шкура, сверху тонкое шерстяное одеяло.

Как только забрезжит рассвет и можно рассмотреть следы белки, эвенк выходит на охоту. Снаряжение охотника на белковые состоит из ружья с боеприпасами, ножа, спичек, паянги (выгнутая тонкая доска с лямками и множеством ремешков, которыми к доске привязывается немудреная постель, запасная обувь, котелок, немного кукуры и лепешка; носится на спине). Охотятся без собаки, без лыж. Привыкшие с детства ходить пешком, эвенки передвигаются очень быстро и никогда не устают. За день эвенк проходит очень большое расстояние по любой дороге. Мне не раз приходилось с ними охотиться, и при переходах я неизменно испытывал большие трудности, уставал, уставал. У эвенков необычная походка. Привыкнув ходить по лесу, постоянно перешагивать через колодины, они и на ровном месте, шагая, ноги поднимают непомерно высоко.

Зимой эвенк время от времени охотится на сохатого. Зверя выслеживает по следу с собакой. Если в семье нет мужчин или они по каким-либо причинам не могут охотиться, на охоту выходят женщины, в своем мастерстве не уступающие мужчинам.

По свидетельству упомянутой китайской работы об эвенках, последние, придя на Аргунь, не умели пользоваться огнестрельным оружием, а охотились с луком и самострелом. Только с 1903 г. у них появились кремневые ружья, берданки — только с 1906 г., а русские трехлинейные винтовки — с 1910 г.⁸ По свидетельству же русских старожилов Усть-Урова и Трехречья, эвенки к моменту своего прихода на правый берег

⁸ Цю Пу, Указ. раб., стр. 12, 27.

Аргуни уже имели берданки, а с 1904 г. у многих из них появились трехлинейные винтовки военного образца. Что же касается лука и самострелов, то эвенки пользовались ими до самого последнего времени, настораживая на тропах зверей. Капканы и другие ловушки у эвенков не в почете. Может быть, именно нелюбовью к ловушкам и следует объяснить тот факт, что эвенки добывают очень мало колонка, в то время как тайга богата этим пушным зверьком.

Жизнь эвенка неотделима от оленя. И хотя у трехреченских эвенков олени никогда не играли той исключительной роли, какая им принадлежит у северных народов, тем не менее от оленей во многом зависело благополучие эвенка, а критерием жизнестойкости семьи служило поголовье оленей.

Олень в жизни эвенков это в первую очередь транспорт. Кочуя, они перевозят на оленях весь свой скарб. Трехреченские эвенки не знают нарт, а груз перевозят на спине животного. Вьючное снаряжение довольно простое: деревянное седло, через которое перекидываются две кожаные поты (сумы), широким замшевым ремнем седло прикрепляется к спине оленя. В поты укладывают весь скарб, и только люлька с ребенком, если он есть в семье, привязывается сверху. Муку, чтобы она занимала меньше места, тщательно утрамбовывают. Во время кочевья взрослые идут пешком, и только женщины изредка садятся отдохнуть на самых крупных быков. Оленей привязывают одного за другим, и при кочевье они передвигаются цепочкой. По моим наблюдениям, крупные олени-самцы могут перевозить до 80 кг груза, самки — 50—60 кг. На мясо режут оленей только в исключительных случаях — на свадьбах и во время камлания шамана.

Среди трехреченских эвенков больше всего оленей в свое время было у Николая Гавриловича Кудрина (муж шаманки Ольги Дмитриевны) — около 500 голов. Остальные семьи имели от 20 до 70 голов. Олени нередко погибали от эпизоотии, так как ветеринарных врачей среди эвенков не было. Русские старожилы тех мест рассказывают, что в 1901 г. от чесотки погибло все поголовье оленей. Эвенки вынуждены были жить по русским деревням, работали на покосах, изготавливали и продавали туески, деревянную посуду. Многие из них завели лошадей, некоторые — даже скаковых. У Василия Ивановича Кудрина был прекрасный жеребец Кепчик, на котором во время скачек он неоднократно брал призы. В 1903 г. при содействии русских властей эвенки снова приобрели оленей, получив их с Амура. Эти годы совпали с необыкновенными «урожаями» соболя и белки, так что охотники быстро оправились и обзавелись ценными вещами: серебряной посудой, иконами в золотых окладах, золотыми и серебряными украшениями, граммофонами. По всей тайге гремел «Ухарь купец» и «Коробейники», полюбившиеся эвенкам больше других песен. Еще на моей памяти были случаи, когда подвыпившие старые эвенки распевали «Ухаря купца».

На 1960 г., по свидетельству китайских источников, у эвенков было 629 оленей⁹.

Богатые эвенки продавали оленей бедным по 25—30 белок за голову. Это не дорого, если учесть, что за один день при «средней белке» эвенк убивал по 20—25 штук. Широко практиковалась система найма оленей на весьма льготных условиях, причем арендатор не отвечал за гибель или пропажу оленя, и более того (насколько мне известно), приплод доставался арендатору, если олененок родился в то время, когда важенка находилась у него. Оказывалась нередко и безвозмездная помощь слепыми. При этом, если охотник не справлялся и не умел восстановить хозяйство, то помощь ему прекращалась.

Большой урон поголовью оленей наносили волки. Приемный сын Ольги Дмитриевны Виктор рассказывал мне, что у него был случай, когда волки за одну ночь рассеяли по тайге и зарезали около сотни оленей.

Мне известен только один случай эксплуатации наемной рабочей силы. Как раз этот Виктор Кудрин имел одного работника. В обязанности батрака входил уход за многочисленным стадом оленей. Батрака я знал — тихий, забитый эвенк, и был поражен однажды на зимнем богжоре, когда заметил, что в лютую стужу на ногах пастуха не было ничего, кроме мокасин с подстилкой из мягкой сухой травы. Рассказывали, что хозяин относился к нему очень плохо, часто бил и издевался над ним. Потом этот эвенк таинственно исчез. Хозяин говорил, что его задрал медведь, русские ставили эту версию под сомнение.

Пища эвенка состоит преимущественно из мяса, летом изредка разнообразится рыбой. Дичь едят редко, при этом перо не очищают, не опаливают, а снимают со шкуркой. Больше всего любят медвежатину и медвежье сало, которое делят на ореховое и ягодное. Особенно ценится ореховое, когда медведь жирует на сландцевом орехе. Приготовление медвежьего мяса связано с определенным церемониалом. Сначала варят голову, потом мясо, и когда едят, то выкрикивают заклинания, суть которых сводится к тому, чтобы переложить вину за смерть зверя на других (обычно выкрикивают, что убил медведя не он, эвенк, а русский, называя при этом имена своих рус-

⁹ Цю Пу, Указ. раб., стр. 32.

ских андаков). Мясо съедают коллективно, а шкура достается охотнику, добывшему медведя. По рассказам Петра Дмитриевича Кайгородова, эвенки при охоте на медведя не проявляют большой смелости, а скорее ведут себя робко. Видимо, это связано с пережитками культа медведя.

Чаще всего эвенку приходится питаться сохатиной. Мясо едят в вареном виде, при этом у сохатого самым лакомым кусочком считается сычуг (прямая кишка). Очень любят костный жир, и когда убивают сохатого или изюбря, то кости ног (уманы) вырезают и поджаривают около огня, следя, чтобы жар был умеренным и кость не лопнула. Любовь к уманам от эвенков переняли и русские охотники Трехречья. Зимой очень любят сырую печень, которую едят наструганной острым ножом. Мясо косули поджаривают на углях, приготовляя нечто вроде шашлыка. Любое животное свежуют только при помощи ножа, разбирая кости по суставам. Для хранения мяса впрок зимой рубят в лесу сайвы (амбарчик высоко на деревьях), летом вялят на кукуру.

Крупы в качестве приправы употребляют редко, из овощей — только дикорастущий лук. Из ягод предпочитают бруснику и голубику, ребятишки — черемуху. Грибы в пищу не употребляют. Все без исключения любят крепкий байковый чай. Сало и масло (особенно топленое) считается высшим лакомством. Из муки пекут пресные лепешки. Иногда из жидкого теста готовят на сале нечто вроде оладий. Сладкое не любят. Все взрослые любят спиртное, курят редко, зато нюхают и жуют табак очень многие.

Одежду носили русского покроя, но с рядом чисто национальных элементов. Постоянное передвижение по лесу требовало прочности одежды, а отсутствие какого-либо транспорта — ее легкости. Для мужчин было характерно отсутствие меховой одежды, за исключением шапки. Детям шли меховые шубки.

Летняя одежда эвенка состояла из рубахи, штанов и дешевого пиджака. Поверх штанов надевались арамумы, летом из шкуры дикой косули. Обувь зимой и летом состояла из коротких мокасин, которые соединялись с арамумами. Летом головным убором служила русская фуражка, в свое время эвенки очень любили казацки фуражки с околышем.

Зимняя одежда состояла из тонкого легкого ватника, поверх которого надевалась дашка. Мокасины изготавливаются из камоса, арамумы — из изюбриного камоса или из замши, меховая шапка — чаще из меха рыси.

Женщины летом ходят в мокалинах и длинных платьях грубого покроя. Зимой надевают камосовые или замшевые унты, длинную меховую шубу. Головной убор женщины летом — платок (любят цветастые), зимой — шаль.

Счет родства ведется по отцовской линии, семья патриархальная. Брак моногамный. Отношения между молодыми до брака очень строгие. Проблему брака молодых решают родители, обсуждая в первую очередь размер калыма. Договоренность о калыме означала окончательное решение судьбы молодых. Сватовство, как правило, происходило летом, когда эвенки стойбищами жили на Быстрой. Калым состоял из нескольких голов оленей (до десяти), определенного количества чая, соли, спирта, шкур. Свадебное торжество начиналось в чуме невесты, потом вместе с невестой, ее родителями и приданым ехали в чум жениха. Приданое невесты состояло из нескольких оленей с полным снаряжением, покрытий для летнего и зимнего чума. В тех случаях, когда невеста была единственной кормилицей в семье, жених уходил к ней в семью на постоянное или временное проживание, пока не подрастут братья невесты. Свадебное торжество, как впрочем и любое другое торжество эвенков, заканчивалось всеобщей потасовкой, что служило признаком веселой и сытой свадьбы, говорило, о том, что все гости остались приемом довольны.

Разводов не было, но случалось худшее: в тех случаях, когда молодые жили плохо и муж часто бил жену, женщина кончала самоубийством. Замуж девушки выходили от 17 до 20 лет, такого же возраста были и молодые люди. Сколько мне ни приходилось говорить на тему о браке с девушками и парнями, я мог заметить, что внешность не играла никакой роли ни для тех, ни для других. Девушки оценивали молодого человека по его способностям как охотника, ребятам девушек — по их достоинствам как хозяек, прежде всего по умению шить одежду. При этом я ни разу не слышал, чтобы в расчет шло имущественное положение того или другого. Могу добавить, что если не все, то подавляющее большинство семей эвенков жили в мире и согласии.

В каждом роде (Сологоновы, Бульдотовы, Кудрины, Келиковы, Золотовские и Ларионовы) был свой староста, и выбирался старший для всех родов. Однако власть того и другого была чисто формальной, так как, кочуя, эвенки редко видели друг друга. Попутно замечу, что именно под этими фамилиями эвенки были зарегистрированы у японцев, под этими фамилиями они позднее получили советские паспорта, под этими фамилиями их знали русские старожилы Усть-Урова и Трехречья.

Формально эвенки были православные, но шаманизм был у них широко распространен. В первые годы их пребывания на правом берегу Аргуни шаман имелся в каждом роде. Но на моей памяти у эвенков имелся только один шаман, вернее шаманка Ольга Дмитриевна Кудрина, которая умерла в 1943 г. До Ольги Дмитриевны был знаменитым шаман Иннокентий Иванович Калтакуров. Он же считался старшим

Рис. 1. Эвенк в зимней одежде, в руках большой нож «пальма»

Рис. 2. Эвенкийская женщина в летней одежде

над всеми эвенками и любил, чтобы его называли атаманом. Справедливости ради хочу сказать, что оба последних шамана очень много сделали для эвенков. Они умели разрешать межродовые недоразумения, активно боролись с кровной мстью, много помогали бедным. Эвенки до последнего времени вспоминали с почтением этих шаманов как умных и справедливых людей.

Детей эвенки крестили, обычно нарекая именем крестного отца из русских (а крестным отцом всегда был андак)¹⁰. Празновали пасху и рождество. При вступлении в брак родители благославляли молодых иконой, иконы имелись в каждом чуме. На могилках устанавливались кресты. Хорошо помню, что и в чуме шаманки висела икона.

У эвенков существовал культ почитания хозяев природы: медведя, огня, воды. Мне неоднократно приходилось наблюдать, в какой трепет приводили охотников неожиданный шум реки, всплески, обвал берега и в особенности писк или шипение поленьев в огне. Эвенк, прежде чем выпить кружку водки, непременно плеснет несколько капель на огонь.

Осенью 1947 г. мне пришлось ночевать по дороге в тайгу с эвенком Иваном Степановичем Бульдотовым. Пока он ходил на охоту, я приготовил ночлег: натаскал дров, развел костер, вскипятил чайник. К моему изумлению, охотник, подойдя к костру, побледнел и начал молча раскидывать горящие головешки во все стороны. Огонь горел хорошо, и мне совершенно не ясна была причина такого поведения моего товарища. Самое удивительно было то, что и чай, хороший крепкий чай, эвенк выплеснул на землю. Потом, когда он успокоился, я узнал причину его возбужденного состояния. Оказывается, я положил в огонь не те дрова, они горели хорошо, но издавали «писк» и «стреляли», что означает гнев духов, которые отводят удачу охотника. Свою неудачу на охоте он приписал мне, а в том году диких коз было очень много. Через год я его встретил еще более убежденного в своей правоте, так как вскоре после того, как мы расстались и я поехал обратно в деревню, эвенк на Чертовой яме убил сохатого.

Все взрослые эвенки, как мужчины, так и женщины, хорошо говорили по-русски. Почти все взрослые мужчины умели писать и читать. А история их просвещения такова. В 1908 г. житель Усть-Урова забайкальский казак Степан Елифанович Кайгородов построил на Быстрой зимовье, в котором основал для эвенков школу. Способные охотники меньше чем за два месяца научились

¹⁰ Люльки для детей — деревянные с наклонной спинкой. Подстилкой служит сухое крошево древесного гнилья. Игрушки — деревянные, берестяные. Чаше — берестяная коробочка с камешками внутри (тип нашей погремушки), самодельные свистульки, миниатюрный лук со стрелами. У детей постарше — обычно лук и самострел.

писать, читать и считать. С тех пор грамота передавалась из поколения в поколение. Русские в числе прочих товаров снабжали эвенков бумагой и карандашами. До 1954 г. я хранил письмо эвенка, написанное на бересте. Письмо было вполне грамотное. Перед очередным богжором эвенк обычно присылал с попутчиком своему андаку письмо — заказ товаров, которые он хотел бы получить при очередной встрече. Нельзя без улыбки вспомнить об этих заказах. Если мука, то 200 пуд. (неважно, сколько человек в семье), если ткани, то 500—600 м, если чай, то не менее 5 пуд. и все в таком чрезмерно преувеличенном размере.

Фольклором я специально не занимался, но, насколько мне удалось установить, он состоит преимущественно из легенд, сказок и преданий о межродовых отношениях, о великих, сильных и ловких охотниках, о невероятных происшествиях в тайге. Из танцев мне известен только один — «хоро», вроде нашего хоровода.

Изделия из бересты эвенки украшают затейливым орнаментом. Замшевые перчатки и женскую обувь вышивают разноцветными нитками. В вышивке чаще изображается олень. Женщины любят нарядную одежду, особенно цветные головные уборы.

Несколько слов о народной медицине эвенков. Хочу подчеркнуть, что мои сведения в этой области случайные. Одним из самых распространенных заболеваний среди эвенков был туберкулез. Если не считать гибели эвенков от кровной мести, в результате схваток с медведями, от несчастных случаев, то большинство их умирало от легких заболеваний и, прежде всего, от туберкулеза.

Для заживления ран эвенки использовали лиственничную смолу, тонкий слой которой наносится на ранку. Смолу брали не с любого дерева, а находили «молодую», совершенно прозрачную, по консистенции напоминающую мед. В качестве пластыря применяли тонкую белую прослойку из ствола загнивающей лиственницы и тончайшие слои верхней части бересты. От головной боли применяли отвар из листьев горного папоротника, а также настой валерианы.

Несмотря на грубую пищу, почти полное отсутствие овощей и фруктов практически не было желудочно-кишечных заболеваний. Самое удивительное, что автор не встречал желудочных заболеваний и у детей, и это в то время, когда грудного ребенка поят сырым оленьим молоком через соску, шитую из сыромятной кожи, или вместе пустышки сунут ему в рот кусок вареного сала.

В качестве слабительного эвенки использовали отвар лиственничной губки (этим же отваром промывали раны у людей и оленей), крапиву, для детей — брусничную воду. В качестве вяжущего средства неизменно употребляли черемуху. По сведениям Д. Л. Молокова, смертность детей грудного возраста была сравнительно невелика и составляла примерно 15%. Дети чаще гибли в 8—10-летнем возрасте в результате неосторожного обращения с оружием, тонули в реках.

В 1940 г. все эвенки Быстрой и Трехречья перешли в ведение японских торговых фирм «Мансю тикусан кабусики кайся» и «Тонмо боеки коси». До этого японцы (появившиеся в крае еще в 1932 г.) ни в какой форме не вмешивались в торговые отношения между русскими и эвенками. Фирмы вели торговые дела с эвенками вплоть до 1945 г. В материальном отношении эвенкам в этот период жилось, пожалуй, лучше, так как фирмы, хотя и вели торговые операции с выгодой для себя, все же не прибегали к тем огульным расчетам, которые имели место раньше. Большинство эвенков прошло медицинское обследование, было ликвидирован ряд глазных болезней.

Однако морально эвенки были ущемлены, так как японцы лишили их права сношений с русскими. Они не смели появляться в деревнях и позволить себе такое удовольствие, как погостить у русского андака.

После 1945 г. все трехреченские эвенки получили советское гражданство. Автор данной статьи лично заполнял анкеты на паспорта, получал и возил пролонгировать паспорта в советское консульство в г. Маньчжурия. До 1948 г. эвенки снова андачили с русскими. Позднее, когда эвенки перешли в ведение китайцев, последние аннулировали советские паспорта.

В 1948 г. китайцы монополизировали торговлю с эвенками. Их первым шагом был запрет сношений с русскими; эвенкам не разрешалось выходить в Трехречье. Любое свободное передвижение эвенков в Трехречье или на Быстрой китайцы считали нежелательным. С этого времени единственным местом снабжения эвенков становился Цигань, где китайцы делают попытку превратить эвенков в лесников и своего рода противопожарную команду. В Цигани торговые операции с эвенками вел снабженческо-сбытовой кооператив, организованный в начале 1949 г. В 1950 г. китайцы приступили в дер. Цигань к постройке для эвенков домов русского типа и в 1953 г. сделали попытку насильственно перевести охотников на оседлое положение. По рассказам очевидцев, среди эвенков сразу же возникла эпидемия тифа и очень многие из них умерли. Погибло от скученности и нехватки корма много оленей.

В 1953 г. в Цигани была основана для эвенков школа. Преподавание в школе ведется на китайском языке. В том же году в Цигани был учрежден медицинский пункт. В 1957 г. здесь был образован эвенкийский национальный округ с центром в поселке Цигань.